

Классика  
исторической  
мысли



Николай Михайлович КАРАМЗИН

# ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

---



Издательство АСТ  
Москва

УДК 94(47)  
ББК 63.3(2)  
К21

В оформлении книги серии «Классика исторической мысли. Подарочная»  
использованы миниатюры из Царского титулярника, 1672 г.

*Оформление Андрея Фереца*

**Карамзин, Николай Михайлович.**

К21 Полная история государства Российского / Н.М. Карамзин. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 1216+[32 ил.] с. ил.

ISBN 978-5-17-157029-3 (*Классика исторической мысли*)

ISBN 978-5-17-189108-4 (*Классика исторической мысли. Подарочная*)

Перед вами — полное собрание знаменитой двенадцатитомной «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина в одном томе. Этот фундаментальный труд охватывает историю России от древнейших времен до правления Ивана Грозного и Смутного времени.

Это не просто хроника событий, а осмысленный рассказ о становлении и развитии русского государства, его культуры и общества, облаченный в величественную красоту русского языка. Карамзину удалось создать высокохудожественную историческую книгу, призывающую читателя выстроить целостную картину прошлого страны, понять логику исторических событий и их взаимосвязь.

Историческую поэму, как называл свое произведение сам автор, Карамзин создавал более двадцати лет. Впервые для изложения истории России было использовано большое количество исторических документов — Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, Судебники и другие источники. Текст рукописи XII тома обрывается на главе «Междоусобица (1611–1612)», хотя автор намеревался довести изложение до начала правления дома Романовых.

Эта книга — незаменимый источник для всех, кто хочет понять корни русской государственности, культуры и национального характера.

УДК 94(47)  
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-157029-3 (*Классика исторической мысли*)

ISBN 978-5-17-189108-4 (*Классика исторической мысли. Подарочная*)

© ООО «Издательство АСТ», 2026

# ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                       |    |
|-----------------------------------------------------------------------|----|
| Государю императору Александру Павловичу, самодержцу всея России..... | 9  |
| Предисловие .....                                                     | 10 |
| Об источниках российской истории до XVII века .....                   | 15 |

## ТОМ ПЕРВЫЙ

|                                                                                  |    |
|----------------------------------------------------------------------------------|----|
| Глава I. О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще .....         | 17 |
| Глава II. О славянах и других народах, составивших государство Российское .....  | 26 |
| Глава III. О физическом и нравственном характере славян древних.....             | 34 |
| Глава IV. Рюрик, Синеус и Трувор (862–879).....                                  | 52 |
| Глава V. Олег Правитель (879–912) .....                                          | 56 |
| Глава VI. Князь Игорь (912–945) .....                                            | 63 |
| Глава VII. Князь Святослав (945–972) .....                                       | 68 |
| Глава VIII. Великий князь Ярополк (972–980).....                                 | 79 |
| Глава IX. Великий князь Владимир, названный в крещении Василием (980–1014) ..... | 81 |
| Глава X. О состоянии древней России.....                                         | 92 |

## ТОМ ВТОРОЙ

|                                                                                   |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава I. Великий князь Святополк (1015–1019) .....                                | 99  |
| Глава II. Великий князь Ярослав, или Георгий (1019–1054) .....                    | 104 |
| Глава III. Правда русская, или законы Ярославовы.....                             | 113 |
| Глава IV. Великий князь Изяслав, названный в крещении Димитрием (1054–1077) ..... | 120 |
| Глава V. Великий князь Всеволод (1078–1093).....                                  | 129 |
| Глава VI. Великий князь Святополк-Михаил (1093–1112) .....                        | 132 |
| Глава VII. Владимир Мономах, названный в крещении Василием (1113–1125) .....      | 146 |
| Глава VIII. Великий князь Мстислав (1125–1132) .....                              | 153 |
| Глава IX. Великий князь Ярополк (1132–1139).....                                  | 156 |
| Глава X. Великий князь Всеволод Ольгович (1139–1146) .....                        | 160 |
| Глава XI. Великий князь Игорь Ольгович (1146–1147) .....                          | 165 |
| Глава XII. Великий князь Изяслав Мстиславич (1146–1154) .....                     | 167 |
| Глава XIII. Великий князь Ростислав-Михаил Мстиславич (1154–1155) .....           | 185 |
| Глава XIV. Великий князь Георгий (Юрий) Владимирович Долгорукий (1155–1157) ..... | 187 |

|                                                                   |     |
|-------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава XV. Великий князь Изяслав Давидович Киевский.               |     |
| Князь Андрей Суздальский, прозванный Боголюбским (1157–1159)..... | 190 |
| Глава XVI. Великий князь Ростислав-Михаил вторично в Киеве.       |     |
| Андрей во Владимире Суздальском (1159–1167) .....                 | 193 |
| Глава XVII. Великий князь Мстислав Изяславич Киевский.            |     |
| Андрей Суздальский, или Владимирский (1167–1169).....             | 199 |

## ТОМ ТРЕТИЙ

|                                                                                 |     |
|---------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава I. Великий князь Андрей (1169–1174) .....                                 | 202 |
| Глава II. Великий князь Михаил II Георгиевич (1174–1176) .....                  | 212 |
| Глава III. Великий князь Всеволод III Георгиевич (1176–1212) .....              | 215 |
| Глава IV. Георгий, князь Владимирский. Константин Ростовский (1212–1216) .....  | 246 |
| Глава V. Константин, великий князь Владимирский и Суздальский (1216–1219) ..... | 251 |
| Глава VI. Великий князь Георгий II Всеволодович (1219–1224).....                | 254 |
| Глава VII. Состояние России с XI до XIII века .....                             | 262 |
| Глава VIII. Великий князь Георгий II Всеволодович (1224–1238) .....             | 272 |

## ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

|                                                                                                            |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава I. Великий князь Ярослав II Всеволодович (1238–1247) .....                                           | 291 |
| Глава II. Великие князья Святослав Всеволодович, Андрей Ярославич<br>и Александр Невский (1247–1263) ..... | 309 |
| Глава III. Великий князь Ярослав Ярославич (1263–1272) .....                                               | 318 |
| Глава IV. Великий князь Василий Ярославич (1272–1276) .....                                                | 326 |
| Глава V. Великий князь Димитрий Александрович (1276–1294) .....                                            | 329 |
| Глава VI. Великий князь Андрей Александрович (1294–1304) .....                                             | 338 |
| Глава VII. Великий князь Михаил Ярославич (1304–1319).....                                                 | 343 |
| Глава VIII. Великие князья Георгий Даниилович, Димитрий<br>и Александр Михайловичи (1319–1328).....        | 351 |
| Глава IX. Великий князь Иоанн Даниилович Калита (1328–1340).....                                           | 358 |
| Глава X. Великий князь Симеон Иоаннович Гордый (1340–1353).....                                            | 370 |
| Глава XI. Великий князь Иоанн II Иоаннович (1353–1359) .....                                               | 380 |
| Глава XII. Великий князь Димитрий Константинович (1359–1362) .....                                         | 385 |

## ТОМ ПЯТЫЙ

|                                                                      |     |
|----------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава I. Великий князь Димитрий Иоаннович Донской (1363–1389) .....  | 387 |
| Глава II. Великий князь Василий Димитриевич (1389–1425).....         | 423 |
| Глава III. Великий князь Василий Василиевич Темный (1425–1462) ..... | 459 |
| Глава IV. Состояние России от нашествия татар до Иоанна III .....    | 496 |

## ТОМ ШЕСТОЙ

|                                                                                  |     |
|----------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава I. Государь, державный великий князь Иоанн III Васильевич (1462–1472)..... | 510 |
| Глава II. Продолжение государствения Иоаннова (1472–1477).....                   | 527 |
| Глава III. Продолжение государствения Иоаннова (1475–1481) .....                 | 540 |
| Глава IV. Продолжение государствения Иоаннова (1480–1490).....                   | 561 |
| Глава V. Продолжение государствения Иоаннова (1491–1496).....                    | 573 |
| Глава VI. Продолжение государствения Иоаннова (1495–1503).....                   | 591 |
| Глава VII. Продолжение государствения Иоаннова (1503–1505) .....                 | 611 |

## ТОМ СЕДЬМОЙ

|                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава I. Государь великий князь Василий Иоаннович (1505–1509)..... | 624 |
| Глава II. Продолжение государствения Василиева (1510–1521) .....   | 637 |
| Глава III. Продолжение государствения Василиева (1521–1534) .....  | 659 |
| Глава IV. Состояние России (1462–1533).....                        | 683 |

## ТОМ ВОСЬМОЙ

|                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава I. Великий князь и царь Иоанн IV Васильевич (1533–1538)..... | 694 |
| Глава II. Продолжение государствения Иоанна IV (1538–1547).....    | 707 |
| Глава III. Продолжение государствения Иоанна IV (1546–1552) .....  | 720 |
| Глава IV. Продолжение государствения Иоаннова (1552) .....         | 735 |
| Глава V. Продолжение государствения Иоаннова (1552–1560).....      | 755 |

## ТОМ ДЕВЯТЫЙ

|                                                                       |     |
|-----------------------------------------------------------------------|-----|
| Глава I. Продолжение царствования Иоанна Грозного (1560–1564) .....   | 789 |
| Глава II. Продолжение царствования Иоанна Грозного (1563–1569) .....  | 804 |
| Глава III. Продолжение царствования Иоанна Грозного (1569–1572).....  | 830 |
| Глава IV. Продолжение царствования Иоанна Грозного (1572–1577) .....  | 851 |
| Глава V. Продолжение царствования Иоанна Грозного (1577–1582) .....   | 872 |
| Глава VI. Первое завоевание Сибири (1581–1584) .....                  | 901 |
| Глава VII. Продолжение царствования Иоанна Грозного (1582–1584) ..... | 914 |

## ТОМ ДЕСЯТЫЙ

|                                                                          |      |
|--------------------------------------------------------------------------|------|
| Глава I. Царствование Феодора Иоанновича (1584–1587).....                | 933  |
| Глава II. Продолжение царствования Феодора Иоанновича (1587–1592) .....  | 956  |
| Глава III. Продолжение царствования Феодора Иоанновича (1591–1598) ..... | 979  |
| Глава IV. Состояние России в конце XVI века .....                        | 1001 |

## ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

|                                                                  |      |
|------------------------------------------------------------------|------|
| Глава I. Царствование Бориса Годунова (1598–1604) .....          | 1017 |
| Глава II. Продолжение царствования Борисова (1600–1605) .....    | 1043 |
| Глава III. Царствование Феодора Борисовича Годунова (1605) ..... | 1070 |
| Глава IV. Царствование Лжедмитрия (1605–1606) .....              | 1077 |

## ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

|                                                                     |      |
|---------------------------------------------------------------------|------|
| Глава I. Царствование Василия Иоанновича Шуйского (1606–1608) ..... | 1110 |
| Глава II. Продолжение Василиева царствования (1607–1609) .....      | 1132 |
| Глава III. Продолжение Василиева царствования (1608–1610) .....     | 1152 |
| Глава IV. Низвержение Василия и междуцарствие (1610–1611) .....     | 1174 |
| Глава V. Междуцарствие (1611–1612) .....                            | 1200 |
| Примечания .....                                                    | 1212 |

# Государю императору Александру Павловичу, самодержцу всея России

Всемилоостивейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвальною ревностию и постоянством: ободренный Вами, могли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я *Вам*, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя Димитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. *Вы* слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давноминувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава *Александрова* сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! Если счастье *Вашего* добродетельного сердца равно *Вашей* славе, то *Вы* счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, наук, искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего *Вы*, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой *Вам* и законом природы, и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных царей и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Приимите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

*Всемилоостивейший Государь!*  
*Вашего Императорского Величества*  
*верноподданный Николай Карамзин.*  
*Декабрь 8, 1815.*

# ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродни человеку и просвещенному, и дикому! На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены вере и деесписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить о нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков афри-

канских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнообразных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою<sup>1</sup> частью мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междоусобия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертью; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха, достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный Лжедмитрий и за сонмом доблестных патриотов, бояр и граждан наставник трона, первосвященник Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и царь Алексей, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о деисаниях древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой некролог рим-

ских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее половецких набегов. Одним словом, чтение всех историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново «Введение в историю Карла V», тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю. Хвастливость авторского красноречия и негра читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали и своими бедствиями изготвили наше величие, а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах* как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если вместо *живых, целых* образов представлял единственно *тени, в отрывках*, то не моя вина: я не мог дополнять летописи!

Есть *три* рода истории: *первая* современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века<sup>2</sup>. В *первой* и *второй* блистают ум, воображение деписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная критика не мешает читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали, — или справедливая критика заградит уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в летописях, в архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус уставил неизменные правила и навсегда отлучил деписание от поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как естественная, так и гражданская история не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и дея-

ниях. Тем взыскательнее и строже критика; тем непозволительнее историку для выгод его дарования обманывать добросовестных читателей, мыслить и говорить за героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? Порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех прав на свете, ученость немецкая, остроумие Вольтерова, ни самое глубокомыслие Макиавеллево в историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, немцы Иоанном Мюллером, и справедливо<sup>3</sup>: оба суть достойные совместники древних — не подражатели: ибо каждый век каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» — есть правило гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апофегмы*, уподобиться Тациту? Не знаю; но сие желание блистать умом или казаться глубокомысленным едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апофегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль — *дар*: читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодovitый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из новых, если бы он не излишне *чуждался* Англии, не излишне хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда афинского грека, в Ливии всегда римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше* оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке, так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии! Взор наш в созерцании великого пространства не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец; последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скушает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением. В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлёцер, сказал, что наша история имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до монголов *разделенною* (Divisa), от Батыя до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною.

1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*.

2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время великого князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *среднюю* от Иоанна до Петра и *новую* от Петра до Александра. Система уделов была характером *первой эпохи*, единовластие — *второй*, изменение гражданских обычаев — *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих восьми или девяти томов<sup>4</sup>, могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго-долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815.

# Об источниках российской истории до XVII века

## СИИ ИСТОЧНИКИ СУТЬ:

*Летописи.* Нестор, инок монастыря Киево-Печерского, прозванный *отцом* российской истории, жил в XI веке<sup>5</sup>: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы князей; беседовал с вельможами, старцами киевскими, путешественниками, жителями иных областей российских; читал византийские хроники, записки церковные<sup>6</sup> и сделался *первым* летописцем нашего отечества<sup>7</sup>. *Второй*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный владимирским князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнюю и другие современные деяния Юго-Западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новгороде, иерей, посвященный епископом Нифонтом в 1144 году; другой во Владимире-на-Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Волынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове<sup>8</sup>. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из летописцев иноземных согласны с ними. — Сия почти непрерывная цепь хроник идет до государственования Алексея Михайловича<sup>9</sup>. Некоторые донныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно<sup>10</sup>. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский* и *Троицкий*, XIV и XV веков<sup>11</sup>. Достойны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кёнигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*, *Львовский*, *Архивский*<sup>12</sup>.

В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском княжении; далее уже сходствует с другими, уступая им, однако ж, в исправности, — например, *Архивскому*.

*Степенная книга*<sup>13</sup>, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

Так называемые *Хронографы*, или «Всеобщая история по византийским летописям», с внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях<sup>14</sup>.

*Жития святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях. Многие из сих биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке<sup>15</sup>.

*Особенные дееписания*: например, сказания о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о митрополите Филиппе и пр.

*Разряды*, или распределение воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.